

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_142

КОНФИГУРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рецензия на книгу: Богатырева О. Н., Ковба Д. М.,
Табаринцева-Романова К. М. Многосторонняя гуманитарная
дипломатия: универсальный и региональный опыт /
под ред. О. Н. Богатыревой. М.: Наука, 2021. 282 с.



Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

Получена 04.05.2023.

Поступила после рецензирования 24.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023

Для цитирования: Грибовод Е. Г. Конфигурация современной гуманитарной дипломатии в системе международных отношений // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 142–153. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_142

Аннотация

Система международных отношений в XXI в. переживает значительные изменения под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, а также в связи с появлением новых геополитических акторов. Современные вызовы и угрозы, стихийные бедствия, вооруженные конфликты, гуманитарные кризисы в разных регионах требуют консолидации мирового сообщества и выстраивания конструктивного диалога. Академическое сообщество активно вовлечено в мониторинг мирового политического развития и поиск решений реальных и потенциальных проблем

© Грибовод Е. Г., 2023



глобального и регионального значения. Одной из таких попыток стала монография «Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт», подготовленная представителями уральской школы международников. В настоящей рецензии представлен критический анализ теоретико-методологических оснований исследования гуманитарной дипломатии. В ходе анализа содержания монографии установлено, что гуманитарная дипломатия формируется как самостоятельная концепция, наращивающая собственный понятийно-категориальный аппарат (концептосферу). Помимо рассмотренных уральскими учеными особенностей – полимодальность (зонтичность), полицентричность, многокультурность, автор рецензии выделяет инверсионный характер современной гуманитарной дипломатии, поскольку в определенных условиях она способна утратить мягкий потенциал и трансформироваться в жесткий, манипулятивный геополитический инструмент. Значительная часть книги посвящена гуманитарной дипломатии Организации Объединенных Наций, Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. В этой связи особое внимание в обзоре уделяется выявлению и сравнительному анализу ключевых механизмов и направлений гуманитарной деятельности как традиционных субъектов международной политики, так и региональных акторов, которые поэтапно наращивают мягкую силу и выстраивают собственную гуманитарную повестку.

Ключевые слова:

гуманитарная дипломатия, международные отношения, мягкая сила, полимодальность, гуманитарное сотрудничество, мировая политика.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_142

THE CONFIGURATION OF MODERN HUMANITARIAN DIPLOMACY IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Book review: Bogatyreva, O.N., Kovba, D.M., & Tabarintseva-Romanova, K.M. (2021). *Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience* (O.N. Bogatyreva, Ed.). Moscow: Nauka.

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Received 04.05.2023.

Revised 24.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Gribovod, E. G. (2023). The Configuration of Modern Humanitarian Diplomacy in the System of International Relations. *Discourse-P*, 20(2), 142–153. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_142

Abstract

The system of international relations in the 21st century is undergoing significant changes under the influence of endogenous and exogenous factors, as well as due to the emergence of new geopolitical actors. Modern challenges and threats, natural disasters, armed conflicts, and humanitarian crises in different regions require consolidation of the world community and building a constructive dialogue. The academic community is actively involved in monitoring global political development and searching for solutions to actual and emerging problems of global and regional importance. One such attempt is the monograph “Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience”, prepared by representatives of the Ural school of international relations. The review presents a critical analysis of the theoretical and methodological foundations of the study of humanitarian diplomacy. As a result of the analysis of the monograph, it has been found that humanitarian diplomacy is being formed as an independent concept, expanding its own conceptual and categorical apparatus (conceptosphere). In addition to the features already considered by the Ural scholars – polymodality (umbrella), polycentricity, multiculturalism, the author of the review highlights the inverse nature of modern humanitarian diplomacy, since under certain conditions it can lose its soft potential and transform into a hard, manipulative geopolitical tool. A significant part of the book examines the humanitarian diplomacy of the United Nations, the European Union, and the Association of Southeast Asian Nations. In this regard, the review pays special attention to the identification and comparative analysis of the key mechanisms and directions of humanitarian activities of both traditional actors of international politics and regional actors, which are gradually increasing soft power and constructing their own humanitarian agenda.

Keywords:

humanitarian diplomacy, international relations, soft power, polymodality, humanitarian cooperation, global policy.

Введение

Современная архитектура международных отношений трансформируется под влиянием новых геополитических акторов, стратегических проектов и союзов. На смену модели традиционной дипломатии приходят цифровая, культурная, публичная, сетевая и другие формы дипломатии, которые изменяют расстановку сил, способствуя укреплению периферийных держав, неправительственных организаций, межправительственных союзов и других субъектов мировой политики. Как показала пандемия COVID-19, гуманитар-

ная повестка была и продолжает оставаться значимой в международных отношениях. В научном дискурсе растет интерес к изучению практик применения медицинской дипломатии и, в частности, вакцинной дипломатии (Арсентьева, 2022; Рогожина, 2021). Глобальные проблемы и угрозы требуют масштабного и многоаспектного взаимодействия субъектов международных отношений. В качестве одного из инструментов реагирования на них и поддержания конструктивного диалога можно рассмотреть гуманитарную дипломатию. Обращение к тематике дипломатии, в частности к ее гуманитарным аспектам, прослеживается в работах как российских, так и зарубежных исследователей (Богатырева, 2022; Громогласова, 2018; Кузнецов, 2022; Потемкина, 2020; Minear & Smith, 2007; Gong, 2021). Отсутствие единого понимания концепции гуманитарной дипломатии, многогранность данного феномена неоднократно подчеркивалась в научном дискурсе (Богатырева, 2022; Ковба, 2020).

Значительный вклад в исследование современной гуманитарной дипломатии вносит монография «Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт». Авторский коллектив – О. Н. Богатырева, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ); Д. М. Ковба, кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН; К. М. Табаринцева-Романова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ. Работа подготовлена в рамках реализации поддержанного РФФИ научного проекта «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели». В настоящей рецензии предпринята попытка критически проанализировать выдвинутую исследователями гипотезу и полученные результаты.

Несмотря на то что монография состоит из четырех глав, тематически в ней выделяются два ключевых блока, формирующих работу. Первый блок посвящен теоретико-методологическому обзору гуманитарной модели дипломатии и раскрыт в главе «Гуманитарное измерение дипломатии: современные концепции и подходы» (Богатырева и др., 2021, с. 10–40). Второй блок, на наш взгляд, объединяет оставшиеся главы – три кейса, в которых рассмотрена практика применения гуманитарной дипломатии следующими субъектами международных отношений: Организацией Объединенных Наций (ООН), Европейским союзом (ЕС) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Подробнее рассмотрим каждый раздел.

Результаты исследования

В условиях возрастания техногенных, информационно-коммуникационных, эпидемиологических вызовов и угроз, локальных военных конфликтов, стихийных бедствий, «гуманизм в целом и концепт «человек» вынуждены адаптироваться под новые реалии общества риска» (Грибовод, 2020 с. 133). Стоит отметить, что философский и этический аспекты кризиса гуманизма, а также ценностных ориентиров неоднократно подчеркивались в академической по-

вестке (Давыдов, 2018; Поломошнов, 2017). В рецензируемой монографии гуманитарный компонент международных отношений рассматривается через призму концепций гуманитарной дипломатии.

При исследовании феномена гуманитарной дипломатии закономерно возникает ряд вопросов. Можно ли рассматривать ее в качестве самостоятельной концепции? Сформирован ли ее понятийно-категориальный аппарат? Каким образом разные принципы и формы взаимодействия акторов международных отношений в гуманитарной области (гуманитарное сотрудничество, межкультурный диалог, политика добрососедства, миротворчество, гуманитарная работа и др.) взаимосвязаны?

В первой главе О. Н. Богатырева и Д. М. Ковба пишут о том, что в связи с расширением границ традиционной дипломатии происходит ее фрагментация, дробление на отдельные модели в зависимости от сектора – экономика, гуманитарная сфера, культура, медицина и т. д. – применения (Богатырева и др., 2021, с. 11–12). Авторами предпринимается попытка определения понятийно-категориального аппарата – концептосферы гуманитарной дипломатии как самостоятельного научного направления. Рассматриваются такие близкие по смысловому значению категории гуманитарного дискурса, как «гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная деятельность». При анализе концепта «гуманитарное сотрудничество» ученые акцентируют внимание на двух интерпретациях. В западной академической повестке данный термин определяется как «гуманитарная помощь населению в условиях кризиса, в вооруженных конфликтах и постконфликтных ситуациях». В российском научном дискурсе данный концепт имеет более широкую трактовку. Он обозначает как помощь населению, столкнувшемуся с бедствиями и конфликтами разной этимологии, так и взаимодействие субъектов международных отношений в культурной и гуманитарной сферах (Богатырева и др., 2021, с. 15–16). Вместе с тем, на наш взгляд, концептосфера гуманитарной дипломатии намного шире, чем представлена в работе. В нее можно включить следующие понятия: права человека, гуманность, гуманитарная работа, гуманитарные переговоры, миротворчество, межкультурный диалог. Таким образом, можно предположить, что концептосфера гуманитарной дипломатии формируется на основе принципа дополненности и семантической близости понятий.

Авторы характеризуют развитие концепта «гуманитарная дипломатия» в российской и зарубежной научной литературе. Кроме того, по итогам знакомства с работой можно получить представление об особенностях, характеризующих современный дискурс гуманитарной дипломатии: во-первых, «мозаичность и размытость существующих представлений о гуманитарном измерении дипломатии»; во-вторых, взаимозависимость концепции мягкой силы и гуманитарной дипломатии. Данная модель дипломатии становится одним из ресурсов мягкой силы акторов международных отношений, т. к. формируется на основе «принципов гуманности, прав человека, развития и культуры мира» (Богатырева и др., 2021, с. 12).

Выявив и проанализировав основные концепты гуманитарной дипломатии, авторы предложили два теоретических подхода, характеризующих сущность феномена гуманитарной дипломатии. Согласно ограничительному под-

ходу, транслируемому Международным комитетом Красного Креста (МККК), данная модель дипломатии трактуется как «способность убеждать лица, принимающие решения, и лидеров общественного мнения всегда действовать в интересах уязвимых слоев населения и при полном уважении фундаментальных гуманитарных принципов»¹ и условно сводится к оказанию гуманитарной помощи. С позиции второго, расширительного подхода, гуманитарная дипломатия направлена на регулирование и решение разными международными акторами объемного пула задач социально-гуманитарного характера не только в связи с вооруженными конфликтами, «но и в ситуациях, в которых люди уязвимы из-за стихийных бедствий, экологических катастроф, эпидемий или социальных кризисов» (Богатырева и др., 2021, с. 20–23).

Несмотря на комплексный анализ феномена гуманитарной дипломатии, в монографии не представлено авторское определение данной модели, а только обозначены ее ключевые характеристики: полимодальность (зонтичность), многокультурность и полицентричность. Исследователи косвенно затрагивают проблему соотношения понятий «международное социально-гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная дипломатия», опираясь на исследование Е.С. Громогласовой (2018), а также отмечая, что в академическом дискурсе категории «гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная дипломатия» могут применяться как синонимы (Богатырева и др., 2021, с. 19–20). Кроме того, авторы очерчивают возможные риски – «политизация гуманитарных субъектов и секьюритизация гуманитарной дипломатии», а также выделяют в качестве одной из тенденций изменение сути гуманитарной деятельности вследствие интеграции классического дунантистского «гуманизма 1.0» с «гуманизмом 2.0» (Богатырева и др., 2021, с. 35–36).

Таким образом, можно предположить, что гуманитарная дипломатия как направление традиционной дипломатии и как самостоятельная концепция находится на начальном этапе формирования и осмысления в российской академической науке. Пока не накоплен значительный объем отечественных исследований, посвященных гуманитарному компоненту дипломатии. В теоретическом блоке рецензируемой работы предпринята попытка категориального осмысления дискурса гуманитарного компонента дипломатии, систематизированы основные характеристики гуманитарной дипломатии. Однако вопрос о месте данной модели в архитектуре международных отношений и ее смысловом наполнении остается дискуссионным. Стоит отдельно подчеркнуть *инверсионный характер* современной модели гуманитарной дипломатии, которая при определенных условиях теряет мягкую составляющую, трансформируясь в жесткий, манипулятивный инструмент воздействия на бенефициаров. В работе данная особенность лишь косвенно обозначена при рассмотрении практики гуманитарной интервенции (Богатырева и др., 2021, 85–87). Резюмируя, отметим, что в современных геополитических реалиях назрела потребность в разработке теоретико-методологического фундамента гуманитарной дипломатии не только как одной из моделей, определяющих

¹ Humanitarian diplomacy policy (2017, July 20). IFRC. Retrieved March 13, 2023, from https://www.ifrc.org/sites/default/files/Humanitarian-Diplomacy-Policy_EN.pdf

гуманитарный аспект дипломатии, но и как самостоятельной академической концепции международных отношений.

Следующий тематический блок рецензируемой монографии объединяет главы, в которых исследуется гуманитарная деятельность трех разных по правовому статусу субъектов международных отношений – ООН, ЕС и АСЕАН. Каждый кейс проанализирован комплексно и детально на нескольких уровнях – организационно-правовом, внутривластном и международном. Поскольку в академическом дискурсе можно отметить высокий исследовательский интерес к изучению гуманитарной составляющей деятельности отдельных стран и международных организаций (Громогласова, 2018; Кузнецов, 2022; Потемкина, 2020), подробно останавливаться на каждой представленной модели гуманитарной дипломатии в рецензии не планируется. Однако закономерно возникает вопрос, чем был обусловлен выбор именно данных объектов для исследования практики реализации гуманитарного компонента дипломатии. На него, к сожалению, не найден ответ после анализа книги.

Во второй главе О.Н. Богатыревой анализируется процесс трансформации гуманитарной составляющей дипломатии структур и учреждений ООН в зависимости от изменения характера кризисных ситуаций и появления новых конфликтов. Согласимся с автором, что данная организация занимает одну из основополагающих позиций в «архитектуре глобальной гуманитарной системы» (Богатырева и др., 2021, с. 41). Особое внимание исследователь обращает на сложившуюся тенденцию в гуманитарном секторе международных отношений – параллельное развитие двух подходов к гуманитарной деятельности: «классическая донантистская парадигма» и «парадигма устойчивости» (с. 62). Кроме того, в этом кейсе рассматривается проблема защиты прав человека и механизмы гуманитарной помощи при стихийных бедствиях. Не меньший интерес представляет проведенный анализ дипломатии конференций и дипломатии саммитов (с. 89), а также дипломатии комиссий, в частности в сфере прав человека, реализуемой на основе ООН (с. 91–94).

Особую актуальность имеют выводы, сделанные автором по итогам исследования гуманитарной дипломатии ООН. Во-первых, отмечается правотворческая функция, т.к. организация «является постоянным генератором новых международных норм, расширения международного права... определения глобальных гуманитарных повесток дня» (Богатырева и др., 2021, с. 44). Во-вторых, на текущий момент в рамках ООН не сформулировано собственное понятие гуманитарной дипломатии, в отличие от других акторов гуманитарного сообщества, в частности МФКК и МККК. В-третьих, современный гуманитарный ландшафт мировой политики перекраивается в связи с появлением новых акторов международных отношений (негосударственных субъектов, например, неправительственных организаций, фондов и др.), гибких инструментов и механизмов гуманитарного реагирования, а также изменением условий конфликтов. Как отмечает автор, «присутствие институтов гражданского общества на международных форумах изменило их роль: из наблюдателей они превратились в активных участников, обладающих функциями принятия решений. Влияние гражданского общества на международные организации разнообразно: они пропагандируют деятельность ООН,

освещающая ее в средствах массовой информации, участвуют в проектах ООН», в том числе в просветительских программах по достижению целей устойчивого развития (ЦУР) (с. 112).

В третьей главе К. М. Табаринцева-Романова подробно рассматривает правовой и институциональный каркас гуманитарной деятельности ЕС. Исследователь отмечает ее взаимосвязь с гуманитарной политикой ООН: «...гуманитарная деятельность Евросоюза основана на его приверженности основным принципам Устава ООН, международного гуманитарного права, правам и свободам человека, а также конвенциям ООН, направленным на защиту прав человека» (Богатырева и др., 2021, с. 172). В главе выявляются основные географические центры (регионы и страны), которым оказывается помощь, а также определяются шесть ключевых направлений гуманитарной деятельности ЕС. Обобщая, можно отметить, что приоритетные векторы гуманитарной повестки ЕС направлены как на решение системных задач (достижение ЦУР, усовершенствование системы реагирования и ликвидации стихийных бедствий, антропогенных катастроф), так и на урегулирование временных чрезвычайных ситуаций, например, борьбу с пандемией COVID-19. Кроме того, К. М. Табаринцева-Романова рассматривает «новые» векторы гуманитарной дипломатии ЕС, которые являются инструментами реализации «нормативной» силы» (с. 175). В частности, особое внимание уделяется следующим направлениям: защита прав человека, реализация ЦУР ООН, гуманитарная экспертиза цифровых технологий, сохранение и популяризация как своего социокультурного наследия, так и охрана и защита культурного наследия стран, столкнувшихся с конфликтами и кризисами, развитие межкультурного диалога, поддержка и реализация спортивных и экологических проектов, работа с молодежью, волонтерство. Заслуживает особого внимания массив проанализированного автором материала: официальные документы Евросоюза, планы и отчеты по европейской гуманитарной повестке дня, рейтинги, составленные Управлением по координации гуманитарных вопросов ООН (с. 124).

При рассмотрении гуманитарной деятельности ЕС исследователь опирается на концепции нормативной силы, предложенной И. Маннерсом, и гражданской силы, разработанной Ф. Дюшеном. В связи с этим возникает вопрос о соотношении данных концепций с теорией мягкой силы. Это взаимодополняемые, пересекающиеся или самостоятельные парадигмы? На наш взгляд, стоило четче обозначить теоретико-методологическую границу между ними, подчеркнув, что «концепция нормативной силы (как ранее и идея гражданской силы) появилась именно на основе осмысления опыта европейского интеграционного объединения» (Романова, Павлова, 2018, с. 76). Кроме того, отметим, что концепт гражданской силы в академическом дискурсе применяется крайне ограниченно, а также нередко упоминается в качестве «региональной модификации» мягкой силы (с. 74). В рецензируемой работе гуманитарная дипломатия и мягкая сила рассматриваются как отдельные внешнеполитические инструменты международных акторов. Не согласимся с автором в данном случае. На наш взгляд, гуманитарная дипломатия, скорее, инкорпорирована в систему мягкой силы стран (структурный компонент), выполняя задачу инструмента достижения внешнеполитических целей ненасильственными мерами.

В четвертой главе Д.М. Ковба анализирует региональную модель гуманитарной дипломатии АСЕАН. На наш взгляд, особенно важен вклад автора в расширение теоретического осмысления контуров международного гуманитарного сообщества за счет рассмотрения гуманитарного вектора деятельности данной организации, а также ее отдельных членов. Как отмечает исследователь, «в последнее время государства незападного мира активно формируют альтернативные гуманитарные связи и структуры» (Богатырева и др., 2021, с. 263). Первоначальный вектор гуманитарного взаимодействия в рамках организации был направлен на реагирование на стихийные бедствия, поскольку данный тип угроз является одним из основных в Юго-Восточной Азии. В дальнейшем диапазон гуманитарного сотрудничества, как показывает автор, стал включать взаимодействие по вопросам здравоохранения (в частности, в связи с пандемией COVID-19), прав человека, ЦУР и др.

В работе отмечается, что современная модель гуманитарной дипломатии, транслируемая традиционными международными акторами (ООН, ЕС и др.), полимодальная, т. е. «многовекторная и многоформная» (Богатырева и др., 2021, с. 12). Несмотря на разработанный институциональный и правовой каркас по широкому кругу вопросов гуманитарного сектора в рамках АСЕАН, обозначенные меры и механизмы по реагированию на стихийные бедствия, биологические и социальные угрозы можно определить, скорее, как «формальные» или «декларативные». Д.М. Ковба подчеркивает: «На практике выяснилось, что Центр АНА² – основной механизм АСЕАН для оказания помощи – не предназначен для реагирования на «антропогенный» гуманитарный кризис, вызванный насилием со стороны государства» (с. 265). Среди сдерживающих факторов, влияющих на достижение ЦУР странами АСЕАН, исследователь выделяет «экономическое и иное неравенство ее членов, отсутствие системного подхода и политической воли для решения проблем» (с. 266).

Резюмируя, отметим, что данная региональная модель гуманитарной дипломатии с момента образования межправительственной организации изменила и расширила спектр гуманитарной деятельности, однако на текущий момент механизмы реагирования на эндогенные кризисы больше скоординированы на институциональном, а не на операционном уровне. На наш взгляд, модель гуманитарной дипломатии АСЕАН только с формальной точки зрения можно обозначить как полимодальную. При этом Д.М. Ковба выявила тенденцию сближения гуманитарных повесток АСЕАН с западными акторами (ООН, ЕС), для которых характерна многовекторная и многосторонняя гуманитарная деятельность и сотрудничество. После обзора содержания главы остался открытым вопрос о необходимости формального копирования региональными субъектами международных отношений западных моделей гуманитарной дипломатии. Достигнутые результаты в гуманитарном направлении деятельности АСЕАН, рассмотренные в данном кейсе, позволяют предположить, что в будущем эта межправительственная организация сможет предложить

² Координационный центр АСЕАН по оказанию гуманитарной помощи в борьбе со стихийными бедствиями.

собственную «альтернативную» модель гуманитарного взаимодействия как на региональном, так и на международном уровнях.

Заключение

Авторы монографии «Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт» проанализировали значительный объем научной литературы, статистических данных и экспертных оценок. Достоинством работы является ее междисциплинарность, т. е. сочетание разных оптик исследования – исторической и политологической, а также теории международных отношений. В то же время отсутствие заключения в конце монографии создает впечатление ее незавершенности, что, однако, не снижает ценность и качество проведенного исследования. Несмотря на имеющиеся вопросы и замечания, подчеркнем вклад авторов в развитие теории международных отношений и расширение теоретического поля исследований гуманитарной дипломатии как категории дипломатической практики и самостоятельной концепции. В исследовании ставилась масштабная цель рассмотрения полимодального характера современной гуманитарной дипломатии, и она была достигнута.

В условиях глобальной нестабильности и сужения горизонта планирования затронутые коллективом авторов проблемы и полученные выводы, на наш взгляд, обладают значительным прогностическим потенциалом и, несомненно, представляют большой научный и практический интерес. В связи с этим монография будет интересна как представителям академического сообщества, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами мировой политики и международных отношений.

Список литературы

1. Арсентьева, И.И. (2022). Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19. *Вестник МГИМО Университета*, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
2. Богатырева, О.Н. (2022). Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы. *Международные процессы*, 20(1), 166–191. <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
3. Богатырева, О.Н., Ковба, Д.М., Табаринцева-Романова, К.М. (2021). *Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт*. М.: Наука.
4. Грибовод, Е.Г. (2020). Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (4), 133–150. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>
5. Громогласова, Е.С. (2018). *Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования*. М.: ИМЭМО РАН.
6. Давыдов, Д.А. (2018). Обреченный гуманизм? Размышляя над книгами Ю.Н. Харари «Sapiens» и «Homo Deus». *Свободная мысль*, (6), 33–46.

7. Ковба, Д.М. (2020). Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*, 20(11), 169–174.
8. Кузнецов, Д.А. (Ред.). (2022). *Практика современной гуманитарной дипломатии*. М.: Эдитус.
9. Поломошнов, А.Ф. (2017). Кризис и судьба гуманизма в современном мире. *Вестник Донского государственного аграрного университета*, (2–2), 23–31.
10. Потемкина, О.Ю. (2020). Современные проблемы гуманитарной дипломатии. *Современная Европа*, (6), 174–180. <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020174180>
11. Рогожина, Н.Г. (2021). Масочная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 1(1), 73–81. <https://dx.doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>
12. Романова, Т., Павлова, Е. (2018). От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС. *Международные процессы*, 16(2), 73–90. <https://doi.org/10.17994/it.2018.16.2.53.5>
13. Gong, L. (2021). Humanitarian diplomacy as an instrument for China's imagebuilding. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(3), 238–252. <https://dx.doi.org/10.1177/20578911211019257>
14. Minear, L., & Smith, H. (Eds.). (2007). *Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft*. Tokyo: United Nations University Press.

References

1. Arsenyeva, I.I. (2022). Transformaciya medicinskoj i vakcinnoj diplomatii v e'poxu COVID-19 [Transformations of medical and vaccine diplomacies in the COVID-19 era]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
2. Bogatyreva, O.N. (2022). Gumanitarnaya diplomatiya: sovremennye koncepcii i podxody [Humanitarian diplomacy: Modern concepts and approaches]. *Mezhdunarodnye processy*, 20(1), 166–191. <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
3. Bogatyreva, O.N., Kovba, D.M., & Tabarintseva-Romanova, K.M. (2021). *Mnogostoronnyaya gumanitarnaya diplomatiya: universal'nyj i regional'nyj opyt* [Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience]. Moscow: Nauka.
4. Davydov, D.A. (2018). Obrechennyj gumanizm? Razmyshlyaya nad knigami Yu.N. Xarari "Sapiens" i "Homo Deus" [The doomed humanism? Reflecting above Y.N. Harari's books "Sapiens" and "Homo Deus"]. *Svobodnaya mysl'*, (6), 33–46.
5. Gong, L. (2021). Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(3), 238–252. <https://dx.doi.org/10.1177/20578911211019257>
6. Gribovod, E.G. (2020). Etapy stanovleniya postgumanizma. K postanovke

problemy [Phase of the formation of the posthumanism. To the statement of a problem]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (4), 133–150. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>

7. Gromoglasova, E.S. (2018). *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennyx mezhdunarodnyx otnosheniyax: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian diplomacy in modern international politics: A systemic view]. Moscow: IMEMO RAN.

8. Kovba, D.M. (2020). Gumanitarnoe izmerenie diplomatii: problema kategorizacii i analiz [The humanitarian dimension of diplomacy: The problem of categorization and analysis]. *Vestnik Kyrgyzsko-rossijskogo Slavyanskogo universiteta*, 20(11), 169–174.

9. Kuznetsov, D.A. (Ed.). (2022). *Praktika sovremennoj gumanitarnej diplomatii* [Practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow: Editus.

10. Minear, L., & Smith, H. (Eds.). (2007). *Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft*. Tokyo: United Nations University Press.

11. Polomoshnov, A.F. (2017). Krizis i sud'ba gumanizma v sovremennom mire [Crisis and the fate of humanism in the contemporary world]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (2–2), 23–31.

12. Potemkina, O.Yu. (2020). Sovremennye problemy gumanitarnej diplomatii [Contemporary problems of humanitarian diplomacy]. *Sovremennaya Evropa*, (6), 174–180. <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020174180>

13. Rogozhina, N.G. (2021). Masochnaya diplomatiya Kitaya v stranax Yugo-Vostochnoj Azii [The mask diplomacy of China in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 1(1), 73–81. <https://dx.doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>

14. Romanova, T., & Pavlova, E. (2018). Ot grazhdanskoj i normativnoj sily k stressoustojchivosti? E'voljuciya idejnyx osnov vneshnej deyatelnosti ES [From civilian and normative power to resilience: Ideational foundations of the EU's external policy]. *Mezhdunarodnye processy*, 16(2), 73–90. <https://doi.org/10.17994/it.2018.16.2.53.5>

Информация об авторе

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Information about the author

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru